

◆ Николай Свечин ◆

ГЛАВА 1

На ревизию

Коллежский советник Лыков сидел в приемной директора Департамента полиции уже десять минут. Трусевич заставлял себя ждать, что было на памяти Алексея Николаевича впервые. Сам же назначил ровно на три! Секретарь делал непричастное лицо и копался в бумагах.

— Да кто там у него так долго? — не выдержал Лыков.

Секретарь хотел ответить, но дверь распахнулась, и в приемную вышел генерал-майор Драчевский. Градоначальник Петербурга принялся кого-то искать глазами. Следом появился директор и указал на сыщика:

— Да вот он. Алексей Николаевич, подойдите сюда.

Лыков приблизился. Драчевский буквально ел его взглядом, а потом спросил действительного статского советника:

— Он точно справится?

Трусевич не обратил внимания на вопрос и сказал подчиненному подчеркнуто вежливо:

— Прошу извинить, что заставил вас ждать. Но дело связано с просьбой господина столичного градоначальника. Генерал Драчевский... Вы ведь с ним лично не знакомы?

— Не имею чести, — сдержанно ответил Лыков.

— Тогда пройдемте в кабинет.

Все трое уселись вокруг рабочего стола хозяина, и тот начал:

— Даниил Васильевич получил назначение на нынешнюю высокую должность с поста ростовского градоначальника. Здесь он человек относительно новый. И старые связи, недоконченные дела... Словом, есть еще нити, что связывают его превосходительство с Ростовом-на-Дону.

Лыков слушал и не мог понять, к чему весь этот разговор. Трусевич заметил это и смутился. Странно — с чего бы Максимилиану Ивановичу смущаться? По мнению сыщика, он был порядочный циник и опытный бюрократ, притом уверенно вел дела Департамента полиции в сложной обстановке. И вдруг не может подобрать слов для рядовой беседы. Лыков знал, что Трусевич, как умный человек, старался ладить с сильными фигурами. Это полезно, так легче служить. Драчевский, занявший свой пост после убийства Лауница, считался восходящей звездой. Неведомыми путями он попал в поле зрения государя и получил завидную для многих должность. И директор его обхаживал. Как-никак, тот имел право личного доклада у Его Величества, да и отвечать за столицу нелегко — нужно помочь неопытному человеку...

— Так вот, — продолжил Трусевич, — мы сейчас готовим ревизию некоторых местностей. Все чиновники особых поручений разъехались, остались вы, Алексей Николаевич, один-одинешенек. И вот нашлось дело и для вас.

Лыков насторожился. На календаре май тысяча девятьсот седьмого года. Только-только, по мнению несведущих людей, подавлен мятеж. Или революция, как утверждает левая пресса. Сведущие же люди знают, что это не так. Большой пожар потушен, но осталось много непогашенных кострищ. Крестьяне центральных губерний громят помещичьи усадьбы, латыши жгут немецкие мызы, в Польше каждый день убивают русских, на Кавказе кровь льется без конца, и замирения не видать. Начальство обеспокоено. МВД действительно разослало по всей империи ревизоров, якобы проверить делопроизводство. На самом деле командированные должны оценить степень напряженности в обществе и дать оценку местным властям — достойно ли те действовали в условиях мятежа? Из всех старших чинов департамента сыщик один не получил назначения. Но похоже, пришла пора и ему собирать чемодан.

— Так вот, Алексей Николаевич, — продолжил после глубокомысленной паузы Трусевич. — Вы едете на ревизию Ростовского-на-Дону градоначальства. Того самого, которым еще недавно заведовал Даниил Васильевич. Он пришел попросить самого опытного из моих сотрудников и самого объективного. Я назвал вас.

Драчевский, доселе молчавший, заговорил — нервно и торопливо:

— Господин Лыков, я хочу быть правильно понятым. Не то чтобы я боюсь! Упаси Господь, я ничего не боюсь. И не надо приглаживать результаты вашей ревизии. Но если вдруг возникнет вопрос, или недоумение какое, или там померещится упущение... Не торопитесь делать выводы, а свяжитесь сначала со мной. По телеграфу либо письмом, как вам удобнее. И я разъясню все, отложу другие дела

и быстро-быстро ответу. И сочту, так сказать, за одолжение с вашей стороны. Вот.

Коллежский советник понял: Драчевский опасался, что в ходе обследования ростовских событий всплывут какие-то старые грешки. И шлейф от них дотянется до столицы. У градоначальника всегда много недоброжелателей. Уж больно лакомое место, и по содержанию♦, и по статусу. Вот генерал и решил подложить соломки, заранее сговориться с проверяющими, чтобы смягчить доклад министру внутренних дел.

♦ Содержание –
жалованье.
(Здесь и далее
прим. автора.)

Алексей Николаевич встал:

— Ваше превосходительство...

— Для вас Даниил Васильевич.

— Благодарю, Даниил Васильевич. Я много лет служу по департаменту и знаю, что хорошие отношения с петербургским градоначальством есть залог нормального хода нашей службы. Одно дело делаем. Обещаю ничего не писать в рапорте министру без самой строгой проверки фактов. Вещи спорные или непонятные предварительно разъяснять с вашей помощью. И вообще, гадить или подличать тут не принято. Максимилиан Иванович не допустит, да и я не большой этого любитель.

Генерал рассыпался в любезностях и вскоре удалился. Трусевич проводил его до дверей приемной и вернулся; он снова выглядел смущенным.

— Уф, как утомил меня этот человек!

— Чего он так нервничает? — спросил сыщик. — Ну, ревизия. Мало ли их было? Или в Ростове осталось что-то непотребное, опасное для Драчевского?

Действительный статский советник пожал плечами:

— По моим данным, ничего страшного он там не творил. Иначе не попал бы на такую должность. Просто...

Он задумался.

— Ну, провинциал, в Петербурге новичок и без особых связей, высокого родства тоже не имеет. И помнит русскую поговорку: была бы шея, а хомут найдется. Им уже многие недовольны, хотя он прослужил тут всего ничего. Норовят очернить и перед государем, и перед Столыпиным. А в Ростове в пятом году был еврейский погром, а следом вооруженное восстание.

— Погром, а потом восстание?

— Да. Вот бедняга и мучается подозрением. Вы же знаете, Алексей Николаевич, как меняются ветры в голове начальства. Ругают то за излишнюю жестокость, то за мягкотелость. Войска вынуждены были стрелять в бунтовщиков, имелись жертвы. Потом город два дня громили союзники♦, сожгли несколько домов, убили сколько-то евреев. Попало в прессу... Как это сейчас оценить, задним числом, когда все успокоилось? Даниил Васильевич опасается, что перевернут карты. Я его понимаю. И вот что скажу: давайте ему поможем. Хорошие отношения со столичной полицией нам действительно на пользу.

♦ Союзник – член «Союза русского народа», черносотенец.

— Слушаюсь. Но если там что-то и впрямь безобразное, я вам честно доложу.

— Конечно. Тогда станем думать, как быть. Пока Драчевский справляется, особых глупостей не творит. Уж получше Лауница, упокой Господи его грешную душу...

Лыков промолчал, но про себя подумал: надо поддержать генерала. Он вспомнил, что одного года с Драчевским. И Даниил Васильевич точно так же, как и сыщик, юным добровольцем пошел на турецкую войну. В девятнадцать лет Лыков бился на Черноморском побережье и едва выжил. А Драчевский оборонял Шипку и тоже был тяжело ранен.

— Разрешите выезжать?

— Приказ я уже подписал. Срок вашей командировки — месяц. Достаточно?

— Вполне, Максимилиан Иванович. А в случае чего продлите.

— Это вряд ли. Здесь тоже полно забот. Держите меня в курсе дела и помните о просьбе градоначальника быть объективным.

Лыков пришел домой и с порога крикнул:

— Ольга!

Три месяца назад они с Ольгой Дмитриевной Окопишниковой, как сейчас говорили, сошлись. То есть стали жить вместе, а не встречаться время от времени. Коллежскому советнику пришлось переехать в более просторную квартиру на Николаевском проспекте. Старая прислуга Нина Никитична, чьего осуждения Лыков немного опасался, одобрила его решение:

— Вот и хорошо, Лексей Николаич. Нечего жить бобылем да в книжку вечерами смотреть. И ей легче, и вам.

Подобное сожителство уже никого не удивляло, тем более в Петербурге. Лыков даже предложил Ольге Дмитриевне обвенчаться, чтобы оформить отношения. В свое время, требуя развода, женщина взяла на себя вину за прелюбодеяние — лишь бы сбежать от ненавистного мужа, гуляки и развратника. Все отдала в обмен на свободу: дом в Ростове, отцовский капитал и даже честное имя. И уехала в столицу, где жила тихо и скромно на остатки своего наследства. Окопишников быстро женился на другой и так же быстро раструсил состояние первой супруги. Пустился в авантюры и запутался в махинациях с земельными участками. Деньги, взятые в банке под залог дома, он вернуть не сумел и в результате разорился. Поступил было на службу в городскую

управу, но попался на вымогательстве. Находясь под судом, за три дня до вынесения приговора пошел купаться и пропал. Обнаружили тело незадачливого дельца на одной из многочисленных донских отмелей. То ли несчастный случай, то ли самоубийство — следователь разбираться не стал и дело прекратил.

Поскольку Ольга Дмитриевна в свое время призналась в прелюбодеянии, ей, как виновной в расторжении брака, консистория венчаться вторично запретила. В паспорте разводки значилось, что она «обречена на вечное безбрачие». Лыков заявил подруге, что ему на это наплевать, он понимает, что женщине трудно в незаконном сожительстве. И готов обойти вокруг аналогия чин чином, в Божьем храме. А запрет люди из консистории пусть засунут куда подальше, не их собачье дело судить и рядить такие вещи. Найти батюшку, который совершит обряд без брачного обыска, всегда было невеликой проблемой. А в нынешнее бесовское время и подавно. Спустя месяц испрашивается чрезвычайное помилование, и дело в шляпе... На худой конец, чиновник особых поручений Департамента полиции в шестом классе ♦ легко мог добыть чистый паспорт, без лишних пометок. Но Ольга, к удивлению сыщика, отказалась. Заявила: мы с тобой уже едем с ярмарки, о любви речи нет, а жить бок о бок, дабы не тосковать в одиночестве, можно и так. В результате немолодые мужчина и женщина поселились вместе. Несколько семейств принимали их как супругов: чета Таубе и пара сослуживцев Лыкова по Департаменту полиции. Нефедьевская родня по линии покойной Варвары Александровны отвернулась от сыщика. На это ему тоже было наплевать, а вот мнение детей сильно волновало. Он написал им письма и со страхом ждал ответа.

♦ То есть в чине коллежского советника.

Первой откликнулась принцесса Шурочка, уже много лет как парижанка. Она отстучала экспресс, в котором звала отца с его новой женой (так и было сказано в телеграмме) в гости. Чтобы познакомиться и подружиться. Сын Николай прислал из Туркестана длинное письмо, в котором радовался за отца, что тот теперь не один. А сын Павел приехал сам. Его неожиданно перевели в столицу, и не абы куда, а в разведывательное отделение Главного управления Генерального штаба. Оба сына Лыкова служили в Туркестане именно по секретной части. Николай отвечал за освещение Персии и Афганистана, боролся с англичанами. Павел занимался Турцией, а в душе тяготел к европейскому театру действий. С помощью Таубе он оказался в Петербурге и вел теперь секретное делопроизводство по Германии. Брюшкин (семейное прозвище Павлуки) всегда был пронырливее своего простодушного брата. И лучше умел устраивать личные дела. Вот и теперь Чунеев (прозвище Николки) корпел в душном Ташкенте над тайными разведками в Тибет. А его близнец смотрел в окно на купол Исаакиевского собора и думал, в какой театр ему пойти сегодня вечером. Но главное, молодой поручик Лыков-Нефедьев от имени всех детей лично засвидетельствовал Ольге Дмитриевне искреннее почтение и благодарность за то, что она скрасила одиночество отца.

Жил Павел отдельно, снимал номер в «Англетере» (доходы от имения позволяли), но по воскресеньям и не-присутственным дням заходил в гости. И вообще не бросал папашу, чем очень того радовал. Он заглядывал на Николаевский не только из вежливости. Сейчас Брюшкин окручивал девицу из рода Мордвиновых и нуждался в консультациях. Поручик с разводкой устроили целый заговор по обольщению чересчур строгой невесты. Ольга давала

Павлуке ценные советы насчет психологии барышень на выданье. Дело продвигалось: молодые уже танцевали вместе на всех балах. Жаль только, что по понятным причинам поручик не мог пригласить пассию в дом своего отца.

Тогда Оконишникова с Лыковым-Нефедьевым решили заманить юную Мордвинову в гости к Таубе. Просто так туда барышня прийти, конечно, не могла. Но Виктор Рейнгольдovich оказался дальним родственником ее матери. Барона с женой тоже вовлекли в заговор. Мордвиновы должны были приехать втроем: родители и дочка. А в ходе чаепития Брюшкин предложит покататься на островах. Экипажи уже подобраны и проинструктированы, гостей рассадят так, что поручик с барышней окажутся вдвоем. Ну и... Все эти невинные интриги весьма занимали и Ольгу, и баронессу Таубе, а главное, помогали наладить отношения Оконишниковой с детьми ее избранника.

— Ольга! — повторил Лыков, снимая пальто. — Есть новости!

Та вышла из будуара и стала напротив, сложив руки на груди:

— Слушаю. Ты чего такой возбужденный?

— Завтра еду в командировку. Давай со мной.

— То есть? — удивилась Ольга Дмитриевна. Лыков уже не раз уезжал по делам службы, но один. А тут вдруг зовет прокатиться.

— Меня посылают на ревизию на целый месяц. Знаешь, что буду ревизовать? Ростовское градоначальство!

— Ой! Неужели правда?

— А то!

— И... мне действительно можно с тобой?

— Конечно. Не на весь месяц — это помешает отношениям с тамошними властями. Но на несколько дней впол-

не позволительно. Посмотришь свой город, какой он стал. Наверняка будет тебе чем заняться. Ну и мне покажешь, что захочешь.

Оконишниковна несколько секунд раздумывала, потом решительно хлопнула в ладоши:

— Еду! Я давно, по правде сказать, мечтала туда наве­даться. И все боялась.

— Чего боялась? — не понял сыщик.

— А всего боялась. Денег на поездку у меня нет, надо просить у тебя, а это... трудно.

— Вот пустяки! Давно бы сказала!

— Потом, остановиться мне в Ростове негде, пришлось бы снимать гостиницу. А сам знаешь, как там относятся к одиноким женщинам.

— Это Россия, а не Кавказ, — возразил Лыков.

— Но с тобой... С тобой — другое дело. Однако подумай, не скомпрометирую ли я тебя? Приехал чиновник особых поручений из Петербурга, должен им холку мылить. И привез непонятно кого. Сразу полетят доносы твоему Трусевичу.

— Трусевич про тебя знает. Он не суется в личные дела, если они не мешают службе. И как твой приезд помешает? Поживешь дня три в смежном номере. Мы только вечерами сможем побыть вместе, днем я буду занят. Сходим в театр. В Ростове есть театр?

— И даже не один.

— Познакомишь меня со своими подругами, — продолжил Алексей Николаевич. — Ведь не все же они ханжи?

— Ростов — город коммерческий, широкий. Нравы довольно простые. Вот только подруг у меня там нет. Есть лишь один человек, которого хочется увидеть.

Голос у разводки дрогнул. Лыков присмотрелся — что такое?

— Кто этот человек?

— Первая любовь. Папенька не отдал меня за него по бедности Аркадия, и вот что из этого получилось... — Ольга Дмитриевна шмыгнула носом и отвернулась.

— И что теперь с ним? Где он, по-прежнему живет в городе?

— Год назад жил. Я наводила справки. Служит в каком-то комитете и, знаешь, так и не женился.

— Ну вот, получится, что я сам привезу тебя ему? И останусь с носом? — попробовал отшутиться сыщик. — Выскочишь за него замуж! Наверняка твой Аркадий до сих пор по тебе тоскует.

Но подруга шутки не поддержала, а наоборот, спросила предельно серьезно:

— Это тебя беспокоит? Если так, я останусь здесь. Попрошу лишь передать ему записку. Он хороший человек, но, кажется, невезучий. Несчастный. Судя по тому, что мне рассказали.

— Нет уж, — ответил коллежский советник. — Чему быть, того не миновать. Ты мне не жена и сама решишь, как поступить. А поедем вместе.

— Спасибо, — коротко поблагодарила Ольга Дмитриевна и ушла к себе. Она вообще была немногословна, что нравилось Лыкову. А в мужчинах больше всего ценила честность.

Правда, вскоре Ольга Дмитриевна вернулась:

— Я забыла спросить: когда мы выезжаем?

— Завтра день на сборы, послезавтра в путь. Вот тут я выложил деньги, пошли рассыльного за билетами и купи что нужно в дорогу. Сколько ехать до Ростова и как?